

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1703—1870. Еще гремели пушки Северной войны, когда лопата раскопщика впервые коснулась древностей возвращенных России северо-западных рубежей Новгородской земли. Между 1708 и 1710 гг. петербургский пастор Вильгельм Толле исследовал курганы в окрестностях Орешка и Старой Лядоги. В раскопанных им насыпях были обнаружены погребальные урны и, между прочим, восточные монеты (в том числе с именем Омара).¹ В поле зрения российской науки впервые попали древности поры образования Древнерусского государства.

Сто с лишним лет спустя к ним вновь обратился один из основоположников научного славяноведения Зориан Доленго-Ходаковский (А. Чарноцкий). Он первым обратил внимание на древние городища Северо-Запада,² описал величественные новгородские сопки; правда, казалось ему, «они не нашею рукою насыпаны, и, может быть, еще прежде, до прибытия Славянских племен в сии страны».³ Тем не менее он произвел первые раскопки сопки: «Могилы Гостомысла» на Волотовом поле под Новгородом, в Лядоге, в Бежецах.⁴

После смерти Ходаковского в 1825 г. новгородские древности попадали в поле зрения ученых эпизодически. Сведения о них помещались в «Новгородских губернских ведомостях» 1850-х гг., в «Северной пчеле».⁵ В 1860-х гг. была составлена сводная статья о курганах; некоторые новгородские городища были включены в число «древних городов России».⁶ По инициативе секретаря губернского статистического комитета Н. Г. Богословского в Новгороде было создано Древлехранилище. Наряду со старинными рукописями, церковной утварью накапливались и первые археологические находки, и в 1870 г. на Всероссийской мануфактурной

¹ Бранденбург Н. Е. Курганы южного Приладожья. — МАР, СПб., 1895, № 18, с. 1, 4.

² Донесение о первых успехах путешествия в России Зориана Долуга-Ходаковского. — РИС, М., 1844, т. 7, с. 351.

³ Ходаковский З. Отрывок из путешествия по России. — РИС, 1839, т. 3, кн. 2, с. 146.

⁴ Ходаковский З. Сопки. — РИС, 1844, т. 7, с. 368—375.

⁵ Спицын А. А. Обзорные некоторых губерний и областей России в археологическом отношении, VI. Новгородская губ. — ЗРАО, СПб., 1897, т. 9, с. 237—248.

⁶ Кулжинский А. И. Курганы Новгородской губернии. — ИАО, СПб., 1861, т. 2, в. 2, с. 149—160; Самоквасов Д. Я. Древние города России. СПб., 1873, с. 10, 110, 113.

выставке в Петербурге экспозиция Новгородского древлехранилища заняла «весьма видное и единственное в своем роде место».⁷

1871—1917. Новый этап в изучении новгородских древностей наступил в 1871 г., когда на II Археологическом съезде в Петербурге они были освещены в целой серии выступлений.⁸ После съезда развернулись широкие раскопки курганов Северо-Запада (работы Л. К. Ивановского на Ижорском плато, Н. Е. Бранденбурга в южном Приладжье). К северо-западу и северо-востоку от Новгорода обрисовались два курганных массива, первый из которых (свыше 5000 раскопанных курганов) стал эталоном культуры «новгородских словен».⁹ Возрастает интерес к древностям Припльменя, появляются новые сводки памятников, раскопки курганов ведут И. Г. Данилов, Н. В. Калачев, Г. Р. Шмидт.¹⁰ На антропологической выставке 1879 г. в Москве впервые экспонировались материалы из раскопок ильменских сопок. Древностям каменного века была посвящена археологическая выставка 1893 г. в Петербурге, приуроченная к основанию Новгородского общества любителей древности (24 ноября 1894 г.).¹¹ Во второй половине 1890-х—начале 1900-х гг. становятся все более интенсивными разведки и раскопки курганов.¹² В работах А. А. Спицына была начата систематизация новгородских древностей. Новые материалы легли в основу первых обобщений по славяно-русской археологии.¹³

В первом десятилетии XX в. полевые работы в Новгородской губернии проводили В. Н. Глазов, Н. К. Рерих, Н. И. Репни-

⁷ *Передольский В. С.* Новгородские древности. Записки для местных изысканий. Новгород, 1898, с. 3—4.

⁸ *Ивановский Л. К.* 1) Материалы для изучения курганов и жалыников юго-запада Новгородской губ. — Труды II Археол. съезда, СПб., 1881, т. 2, с. 58—67; 2) Курское городище. — Там же, с. 68—69; *Волькенштейн Д. П.* Несколько слов об антропологии жалыников Валдайского уезда. — Там же, с. 1—56.

⁹ *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Л. К. Ивановского. — МАР, 1896, № 20.

¹⁰ *Елисеев А. К.* Археологии и антропологии Ильменского бассейна. — ЖМНП, 1881, № 214; *Быстров М.* Остатки старины близ Передольского погоста Лужского уезда С.-Петербургской губ. — ИАО, 1877, т. 9; *Данилов И. Г.* Раскопки слушателями Института курганов в Гдовском и Лужском уездах С.-Петербургской губ. и в Валдайском уезде Новгородской губ. — Сб. Археол. ин-та, СПб., 1880, кн. 3; *Шмидт Г. Р.* Курганы и могилы Шелонской пятины Новгородской земли. — ИОЛЕАЭ, 1890, т. 49, в. 5.

¹¹ Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, № 155, л. 4; *Передольский В. С.* 1) Бытовые остатки насельников ильменско-волховского побережья и земель Велико-Новгородского государства каменного века. СПб., 1893; 2) Новгородские древности, с. 57.

¹² *Муравьев М.* О курганах и древних могильниках, находящихся по берегам р. Луги. — АИЗ, М., 1896, т. 4; *Панин А. В.* О раскопках курганов в Белозерском уезде Новгородской губернии. — ЗОРСА, 1896, т. 8, в. 1—2; *Погодин А. Л.* Мстинские сопки. — ЗРАО, 1898, т. 10, в. 1—2; *Шлякин И. А.* Поездка в Боровичский уезд. — ОАК 1898 г. СПб., 1901; *Тихомиров И. А.* Поездка на Мсту. — ЗОРСА, 1903, т. 5, в. 1.

¹³ *Спицын А. А.* 1) Расселение древнерусских племен по археологическим данным. — ЖМНП, 1899, № 8; 2) Сопки и жалыники. — ЗРАО, 1899, т. II, в. 1—2.

ков, Л. Н. Целени и др.¹⁴ В 1911 г. была издана первая сводка памятников губернии (почти одновременно с подобными же по соседним — Тверской и Псковской).¹⁵

Крупным событием в научной жизни России стал состоявшийся в Новгороде в 1911 г. XV Археологический съезд. В его подготовке и проведении приняли участие такие видные ученые, как Д. Я. Самоквасов, Д. Н. Анучин, В. А. Городцов, А. С. Лаптево-Данилевский, археологи из Финляндии и Швеции (Ю. Айлио, О. Альмгрен, Т. Арне). Тематика съезда охватывала широкий круг вопросов — от археологии каменного века до палеографии и диалектологии. Однако размах и характер собственно археологических исследований на Северо-Западе были отражены в материалах съезда не в полной мере; практически не освещались работы, организованные петербургской Археологической комиссией.¹⁶

В 1910-х гг. работы в пределах современной Новгородской области проводили Б. В. Александров, П. Г. Любомиров, Ф. Ф. Щитников, А. А. Спицын, А. В. Тищенко, О. Н. Значко-Яворская, Т. О. Гелах и др.¹⁷ Исследования 1900—1910-х гг. дали важные материалы для характеристики различных пластов древностей Северо-Запада: неолитических стоянок, фатьяновских могильников, городищ раннего железного века, длинных курганов и сопок.¹⁸

1920—1941. После организации в 1919 г. ГАИМК — первого советского археологического научного центра — начинается новый этап изучения древностей Новгородской земли. С середины 1920-х гг. к полевым работам приступила Комиссия ГАИМК по изучению Ленинградской области (включавшей тогда территорию нынешних Ленинградской, Псковской и Новгородской обла-

¹⁴ Отчет В. Н. Глазова о раскопках, произведенных в Псковской губ. 1901 и 1902 гг. — ЗОРСА, 1903, т. 5, в. 1; *Глазов В. Н.* Отчет о поездке 1903 г. в Крестецкий у. Новгородской губ. — ИАК, 1904, в. 6; *Спицын А. А.* Отчет В. Н. Глазова о поездке 1903 г. на верховья Волги в Демянский уезд. — ЗОРСА, 1905, т. 7, в. 1; Архив ЛОИА, ф. 1, 1900, № 92, 233; 1902, № 96, 99; 1905, № 51, 98; 1906, № 70; 1908, № 63, 74.

¹⁵ *Романцев И. С.* О курганах, городищах и жалыниках Новгородской губ. Новгород, 1911; *Ильгнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губ. Тверь, 1903; *Окулич-Газарин Н.* Материалы для археологической карты Псковской губ. — Труды Псков. археол. о-ва, 1914, т. 10.

¹⁶ Труды XV Археол. съезда, М., 1914, т. 1, с. 10—180 (протоколы).

¹⁷ *Александров Б. В.* Разведка 1910 г. в Старорусском у. Новгородской губ. — ОАК 1909—1910 гг. СПб., 1913; *Любомиров П. Г.* Отчеты о раскопках, произведенных в 1910 г. в Новгородской и Тверской губ. — ЗОРСА, 1913, т. 9; *Щитников Ф. Ф.* Раскопки в Лужском уезде. — Труды Псков. археол. о-ва, 1913, в. 9; Архив ЛОИА, ф. 1, 1910, № 62, 79; 1911, № 89, 115, 285; 1913, № 327, 361; 1916, № 141; 1917, № 50.

¹⁸ *Спицын А. А.* 1) Бологовская стоянка каменного века. — ЗОРСА, т. 5, в. 1, с. 239—278; 2) Бронницкий могильник. — ОАК 1909—1910 гг., с. 164—165; 3) Новые сведения о городищах дьякова типа. — ЗОРСА, т. 7, в. 1, с. 83—93; 4) Удлиненные и длинные курганы. — ЗОРСА, т. 5, в. 1, с. 196—204; Архив ЛОИА, архив А. А. Спицына, № 376, 377.

стей).¹⁹ Комиссия, в составе которой начинали свой научный путь М. И. Артамонов, Г. П. Гроздилов, Г. Ф. Дебед, П. П. Ефименко, А. А. Иессен, Н. Н. Чернягин и др., вела работы с большим размахом: только за два полевых сезона было обследовано 29 городищ, 232 жальничных могильника, 604 курганные группы, насчитывавшие более 10 000 насыпей.²⁰ Важнейшим научным итогом этих исследований стала сводная карта сопки и длинных курганов.²¹ Одновременно была разработана первая типология сопок и опубликована сводная карта жальников XI—XVI вв.²² В конце 1930-х гг. в работах П. Н. Третьякова сопки и длинные курганы в качестве памятников словен и кривичей были включены в широкую картину восточнославянского этногенеза, основанную на представлениях о глубокой автохтонности славян.²³

В конце 20-х—начале 30-х гг. раскопки новгородских курганов и городищ проводил А. В. Арциховский.²⁴ После 1930 г. основным объектом археологических исследований становится Новгород. Однако при этом продолжались работы по созданию культурной стратиграфии региона, реконструкции социально-политической структуры земель Великого Новгорода.²⁵ Они велись параллельно с новыми исследованиями памятников южного Приладожья, Старой Ладogi.²⁶ Некоторые фундаментальные выводы и концепции археологов, основанные на изучении древностей Новгородской земли, легли в основу первых советских обобщающих работ по славянской археологии и истории СССР.²⁷

1944—1980. Великая Отечественная война прервала работы археологов в Новгородской области. Многие из них ушли на фронт. Погиб талантливый исследователь новгородских сопок

¹⁹ Архив ЛОИА, ф. 2, 1927, № 106, 107, 109; 1928, № 107—111, 116, 122; 1929, № 106, 122, 123, 126; 1930, № 109; 1931, № 779; ф. 35, 1941, № 36.

²⁰ Ефименко П. П. Обследование памятников Ленинградской обл. в 1928—1929 гг. — Сообщ. ГАИМК, 1931, № 6, с. 25—27.

²¹ Чернягин Н. Н. Длинные курганы и сопки. — МИА, 1941, № 6, с. 94—134.

²² Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, № 155; Репников Н. И. Жальники Новгородской области (материалы к вопросу о расселении славян по области). — ИГАИМК, 1931, т. 9, в. 5.

²³ Третьяков П. Н. 1) Археологические памятники восточнославянских племен в связи с проблемой этногенеза. — КСИИМК, 1939, № 2, с. 3—5; 2) Северные восточнославянские племена. — МИА, 1941, № 6, с. 11—39.

²⁴ Арциховский А. В. 1) Раскопки 1929 г. в Новгородском округе. — МИА (Н), 1930, в. 1, с. 20—30; 2) Раскопки в Новгородской земле. — СА, 1936, № 1, с. 187—194.

²⁵ Гроздилов Г. П. Памятники I тыс. н. э. на территории Волхово-Метинского района. — КСИИМК, 1939, № 2, с. 26—27; Тараканова С. А. Об археологическом изучении сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода. — КСИИМК, 1940, № 5, с. 40—44.

²⁶ Равдоникас В. И. 1) Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. — ИГАИМК, 1934, в. 9; 2) Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.). — СА, 1949, № 11, с. 5—54; № 12, 1950, с. 5—69.

²⁷ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1948; Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953; Магродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945.

Н. Н. Черягин. В офицерской шинели вернулся в Новгород в январе 1944 г. М. К. Каргер, сразу вслед за частями Советской Армии, освободившими город от фашистских захватчиков. Позднее он писал об этом времени: «Город был еще в прифронтовой полосе, когда развернулись неотложные работы по ремонту и консервации наиболее пострадавших памятников древнего зодчества... Летом 1944 года в Новгороде уже кипела реставрационная, археологическая и музейная работа».²⁸

Археологическое изучение области в послевоенные годы развернулось на базе Новгородской экспедиции, музея и Ленинградского отделения ИИМК.²⁹ Особое внимание уделялось неолитическим памятникам.³⁰ В работах Н. Н. Гуриной была разработана культурная стратиграфия региона от каменного века до средневековья, поставлен вопрос о генетической связи «дьяковских» древностей раннего железного века с неолитическими.³¹ К сходным выводам в те же годы пришел П. Н. Третьяков.³² В связи с проблемой преемственности между «дьяковскими» памятниками и культурами второй половины I тыс. н. э. возобновились раскопки сопок, длинных курганов, были открыты новые грунтовые могильники.³³

Вопрос о связи между древнерусскими курганами, сопками и длинными курганами Новгородской земли был поставлен в работах Т. Н. Никольской и В. В. Седова, основанных на материалах главным образом дореволюционных раскопок. Были намечены хронологические этапы развития древнерусской курганной культуры, пути славянского расселения, выявлены субстратные финно-угорские элементы, обусловившие локальные этнокультурные особенности.³⁴

Наряду с этнической проблематикой с середины 1950-х гг. на первый план выдвинулись экономические и социальные про-

²⁸ Каргер М. К. Новгород Великий. М.—Л., 1961, с. 8.

²⁹ Константинова Т. М. Археологические работы Новгородского музея в послевоенный период. — Новгородск. истор. сборник, 1959, в. 9, с. 93—118.

³⁰ Гурина Н. Н. Результаты археологического исследования среднего течения реки Мсты. — СА, 1950, № 13, с. 292—310.

³¹ Гурина Н. Н. 1) Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. — МИА, 1961, № 87; 2) Из истории древних племен западных областей СССР. — МИА, 1967, № 144.

³² Третьяков П. Н. Древнейшие городища Верхнего Поволжья. — СА, 1947, № 9, с. 61—78.

³³ Тараканова С. А. Длинные и удлиненные курганы. — СА, 1954, № 19, с. 77—110; Орлов С. Н. 1) Сопки волховского типа около Старой Ладogi (из материалов Староладогской экспедиции 1940 и 1948 гг.). — СА, 1955, № 22; 2) Вновь открытый раннеславянский грунтовый могильник в Старой Ладoge. — КСИИМК, 1956, № 65, с. 107—112.

³⁴ Никольская Т. Н. 1) Этнические группы Верхнего Поволжья XI—XIII вв. — КСИИМК, 1949, № 24, с. 78—83; 2) Хронологическая классификация верхневолжских курганов. — КСИИМК, 1949, № 30, с. 31—41; Седов В. В. 1) Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XV вв.). — СА, 1953, № 18, с. 190—229; 2) Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода. — КСИИМК, 1962, в. 15, с. 72—85.

цессы. На материалах кладов IX—XI вв. впервые была раскрыта роль Новгородской земли в экономических связях Древней Руси, в становлении русского денежного обращения.³⁵ Первая сводная карта поселений и могильников X—XIII вв. лесной зоны Восточной Европы создала основу для изучения расселения, демографии, материальной культуры и хозяйственного уклада древнерусской деревни Новгородской земли,³⁶ при этом выявилась сравнительно слабая изученность поселений.

Исследования 1960-х гг. были направлены на заполнение этой лакуны. Экспедиции Новгородского музея и пединститута провели новые разведки и раскопки неолитических стоянок,³⁷ памятников «эпохи раннего металла» и раннего железного века, раннеславянских поселений, древнерусских городищ. Они кратко освещались в серии статей С. Н. Орлова и были обобщены в сводной работе, оставшейся неопубликованной.³⁸

Сведения о новгородских городищах появились в сводных статьях и работах по военно-оборонительному зодчеству.³⁹ В 1966 г. А. Ф. Медведев начал раскопки в Старой Руссе, ближайшем пригороде Новгорода.⁴⁰ Возобновились раскопки и обработка материалов древнерусских курганов.⁴¹

Во второй половине 1960-х гг. сформировались новые концепции славянского этногенеза. В монографиях П. Н. Третьякова время появления славян в Новгородской земле определялось как третья четверть I тыс. (распространение сопок, а в соседних районах — длинных курганов).⁴² В те же годы взгляды

на славянскую принадлежность длинных курганов и сопок были подвергнуты резкой критике;⁴³ предлагались иные этнические атрибуции этих памятников.⁴⁴ В обобщающей работе И. И. Ляпушкина со славянами связывалась особая категория древностей (круглые курганы с сожжениями), а длинные курганы и сопки исключались из круга «достоверно славянских памятников».⁴⁵ Эти дискуссии во многом определили пути дальнейших современных исследований.

Интенсивность археологических работ в Новгородской области резко возросла с конца 60-х — начала 70-х гг. в связи с организацией в 1968 г. Всероссийского общества охраны памятников, а затем подготовкой и принятием в 1976 г. Закона СССР об охране и использовании памятников истории и культуры. Новгородская область одной из первых в стране начала массовую паспортизацию памятников археологии. Экспедиции Института археологии АН СССР, Новгородского пединститута, музея, ЛО Института археологии АН СССР провели обследование сотен курганных групп, жалыников, сопок, городищ и селищ, неолитических стоянок, раскопки памятников всех эпох от неолита до средневековья. В ряде случаев они дали новые материалы принципиальной важности: так, М. П. Зимина открыла на оз. Шерегидро неолитический могильник, содержащий более 200 захоронений; попутно разъяснилась загадка «курганов с янтарными украшениями», которые здесь раскопал еще Н. К. Рерих, а позднее С. Н. Орлов (курганные насыпи перекрыли значительно более древние погребения, откуда и происходит янтарь).⁴⁶ Разведки, проведенные С. Н. Орловым, Е. Н. Носовым, Г. Н. Прониным, В. Я. Конечким и др., выявили большое число памятников, в частности длинных курганов и поселений с лепной керамикой I тыс. н. э.⁴⁷

³⁵ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956; Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Историко-географический очерк. Л., 1963.

³⁶ Успенская А. В., Фехнер М. В. Указатель к карте «Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X—XIII вв.». — В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1956, с. 139—252.

³⁷ Петров М. И. Неолитическая стоянка «Стрелка» в Новгородской области. — СА, 1966, № 3, с. 212—215; Гарновский В. В. Стоянки на средней Мсте и окрестностях города Боровичей. — СА, 1966, № 4, с. 156—160.

³⁸ Орлов С. Н. Памятники I тыс. н. э. на территории Ленинградской и Новгородской областей. 1969. (Рукопись). Хранится на кафедре археологии ЛГУ.

³⁹ Успенская А. В. Городища X—XIII вв. на юге Новгородской земли. — В кн.: Экспедиции ГИМ. М., 1969; Мавродин Вал. В. О некоторых полукруглых городищах Новгородской обл. — Вестн. ЛГУ, серия история, язык, литература, 1964, в. 4, с. 145—150; Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв. — МИА, 1961, № 105.

⁴⁰ Медведев А. Ф. Новые данные о Старой Руссе. — Археол. открытия 1967 г., М., 1968, с. 19.

⁴¹ Голубева Л. А. Пестовские курганы. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 53—60; Ширинский С. С. Городища и курганы X—XII вв. у с. Избрижье. — КСИА, 1967, в. 110, с. 40—41; Ершевский Б. Д. Ильменские курганы. — Археол. открытия 1969 г., М., 1970, с. 17.

⁴² Третьяков П. Н. 1) Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966; 2) У истоков древнерусской народности. — МИА, 1970, № 179.

⁴³ Ляпушкин И. И. Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—IX вв.). — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 127—136; Артамонов М. И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология. — В кн.: Проблемы всеобщей истории. Л., 1967, с. 29—69.

⁴⁴ Тухтина Н. В. Об этнической принадлежности погребенных в сонках волховского типа. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 188—193.

⁴⁵ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—первая половина IX в.). — МИА, 1968, № 152.

⁴⁶ Зимина М. П. Работы Северо-Западной экспедиции. — Археол. открытия 1974 г., М., 1975, с. 16.

⁴⁷ Орлов С. Н. Памятники кривичей в среднем течении реки Мсты. — Археол. открытия 1972 г., М., 1973, с. 32—33; Носов Е. Н., Конечкий В. Я. Разведки на средней Мсте и раскопки поселения Золотое Колено. — Там же, 1974 г., М., 1975, с. 28—29; Носов Е. Н., Верхорунова Т. Л., Конечкий В. Я. Исследования сельских поселений в Новгородской обл. — Там же, 1975 г., М., 1976, с. 32; Пронин Г. Н. Работы Новгородского отряда. — Там же, 1976 г., М., 1977, с. 30—31; Пронин Г. Н., Мильков В. В., Гайдуков П. Г. Работы Новгородского отряда. — Там же, 1977 г., М., 1978, с. 31—32; Пронин Г. Н., Мильков В. В. Раскопки в Новгородской земле. — Там же, с. 30—31; Пронин Г. Н. Работы Ильменской экспедиции. — Там же, 1978 г., М., 1979, с. 30—31.

В начале 1970-х гг. появились новые обобщающие работы. В серии монографий В. В. Седова была изложена последовательная концепция славянского расселения, опубликованы материалы сопок и длинных курганов, заново поставлены вопросы об их происхождении, связи с древнерусской культурой, месте в ней субстратных (балтских и финских) элементов.⁴⁸ В. Л. Янин и М. Х. Алешковский выдвинули гипотезу происхождения Новгорода, основанную на анализе широкого круга памятников Северо-Запада.⁴⁹ Данные археологии учтены в обобщающей очерке А. В. Кузы о Новгородской земле X—XIII вв.⁵⁰

Тематически с древностями Новгородской области тесно связан цикл исследований, проведенных в 1970-х гг. экспедициями ЛО Института археологии и Ленинградского университета в Ленинградской области: новые разведки и раскопки курганов, жалников, поселений, длинных курганов и сопок.⁵¹ Созданный в 1974 г. сектор славяно-финской археологии ЛО Института археологии развернул работы на Ижорском плато, Карельском перешейке, в южном Приладожье. Особое значение имело возобновление работ в Старой Ладоге. Исследование этого памятника, начатое еще в предреволюционные годы Н. Е. Бранденбургом и Н. И. Репниковым, продолженное в советское время В. И. Равдоникасом, Г. П. Гроздиловым, Н. Н. Гуриной, Г. Ф. Корзухиной и другими учеными, дает принципиально важные материалы для постановки и разработки основных проблем ранней истории Новгородской земли.

Ладожская каменная крепость и Земляное городище, многочисленные сопки, курганные и грунтовые могильники, древнерусские храмы, монастыри, культурный слой поселений конца I тыс. и средневековья по мере их изучения ставят перед исследователями новые и новые вопросы, заставляют периодически пересматривать, казалось бы, вполне сложившиеся построения. По своему возрасту культурный слой древней Ладоги (на Земляном городище мощностью свыше 3 м) намного превосходит древнейшие отложения, известные до сих пор в Новгороде. Уже первыми исследователями слой Ладоги был разделен на горизонты («русский», «норманский» и «финский») у Н. И. Репникова, Д. Е₁, Е₂, Е₃ — по В. И. Равдоникасу). С самого начала материалы Ладоги стали основой для культурно-исторических выводов, в итоге развернувшихся в острую дискуссию.⁵²

⁴⁸ Седов В. В. 1) Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. — МИА, 1970, № 163; 2) Новгородские сопки. — САИ Е1-8, М., 1970; 3) Длинные курганы кривичей. — САИ Е1-8, М., 1974; 4) Этнический состав населения Новгородской земли. — В кн.: Финно-угры и славяне. Л., 1979, с. 74—80.

⁴⁹ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). — История СССР, 1971, № 2, с. 32—61.

⁵⁰ Куза А. В. Новгородская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 144—201.

⁵¹ Лебедев Г. С. Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977.

⁵² Бранденбург Н. Е. 1) Старая Ладога и ее каменное городище. СПб., 1896; 2) Курганы южного Приладожья, с. 135—141; Репников Н. И. Рас-

В результате систематизированной проработки основных категорий материалов Староладожского поселения, осуществленной большой группой исследователей, к началу 1970-х гг. получили новую обоснованную трактовку такие важнейшие вопросы древнего прошлого Ладоги, как датировка, этнический состав и характер первоначального поселения. Нижний слой ладожского Земляного городища относится не к VII в., как полагал В. И. Равдоникас, а не ранее, чем к середине VIII в.; поселение с самого начала было полиэтничным, объединяя славянский, балтский, финно-угорский и скандинавский компоненты; оно возникло как один из первых торгово-ремесленных центров на магистральном восточноевропейском водном пути.⁵³

Эти выводы, основанные на результатах раскопок 1910—1950-х гг., требовали проверки новыми данными. В течение 1970-х гг. Ладожской экспедицией ЛО Института археологии были проведены широкие исследования в каменной крепости и на Земляном городище, на посаде и в ближайших окрестностях Ладоги.⁵⁴ Получено дендрохронологическое подтверждение даты

копки в городище Старой Ладоги. — В кн.: Старая Ладога. Л., 1948, с. 11—69; Равдоникас В. И. 1) Старая Ладога. — КСИИМК, 1945, № 11, с. 30—41; 2) Древнейшая Ладога в свете археологических исследований 1938—1950 гг. — КСИИМК, 1951, № 41, с. 34—36; 3) Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.), ч. 1. — СА, 1949, № 11, с. 5—54; ч. 2. — СА, 1950, № 12, с. 5—69; Гроздилов Г. П. Раскопки в Старой Ладоге. — КСИИМК, 1960, № 81, с. 72—76; Корзухина Г. Ф. О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги. — В кн.: Скандинавский сборник, Таллин, 1971, в. XVI, с. 123—130.

⁵³ Станкевич Я. В. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги. — СА, 1950, № 14, с. 187—216; Штакельберг Ю. И. 1) Глиняные диски Старой Ладоги. — АСГЭ, 1962, в. 4, с. 109—115; 2) Игрушечное оружие из Старой Ладоги. — СА, 1969, № 2, с. 252—254; Орлов С. Н. Деревянные изделия Старой Ладоги VII—X вв. — Автореф. канд. дисс. М., 1954; Гуревич Ф. Д. Древнейшие бусы Старой Ладоги. — СА, 1950, № 14, с. 170—186; Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладоги. — АСГЭ, 1968, в. 10, с. 64—94; Оятева Е. И. Обувь и другие кожаные изделия из Старой Ладоги. — АСГЭ, 1965, в. 7, с. 47—69; Миролубов М. А. 1) Пахотные орудия Старой Ладоги. — АСГЭ, 1972, в. 14, с. 118—126; 2) Орудия вторичной обработки почвы и уборки урожая из Старой Ладоги. — АСГЭ, 1976, в. 17, с. 119—124; Давидан О. И. 1) Резная кость Старой Ладоги. — Сообщ. ГЭ, 1962, в. 23, с. 16—18; 2) Гребни Старой Ладоги. — АСГЭ, 1962, в. 4, с. 95—108; 3) Староладожские изделия из рога и кости. — АСГЭ, 1966, в. 8, с. 103—115; 4) К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенкой Старой Ладоги. — АСГЭ, 1968, в. 10, с. 64—94; 5) Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки. — АСГЭ, 1976, в. 17, с. 100—118; 6) Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII—XIII вв. (по материалам Земляного городища). — В кн.: Контакты и взаимодействие древних культур. Л., 1981, с. 25—26; Корзухина Г. Ф. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге. — СА, 1961, № 3, с. 76—84; Носов Е. Н. Старая Ладога и поселения Приильменья конца I тыс. — Тез. докл. советской делегации на III Международном конгрессе славянской археологии (Братислава, сентябрь 1975 г.). М., 1975, с. 73—74.

⁵⁴ Экспедиция работала в составе отрядов под руководством Е. А. Рябининой, В. П. Петренко, Е. Н. Носова, нач. эксп. — А. Н. Киршичников. Подготовлен к изданию сборник статей «Старая Ладога. Новые исследования и открытия».

возникновения Староладожского поселения (середина VIII в.). Среди изученных новых построек, возможно, открыто языческое капище. Обнаружен ряд сменяющих друг друга каменных крепостных сооружений, древнейшее из которых, по определению А. Н. Кирпичникова, относится к концу IX в. и представляет собой в таком случае уникальный памятник древнерусской архитектуры. В слое середины VIII в. открыт выразительный кузнечно-ювелирный комплекс, раскрывающий ремесленно-торговый характер ранней Ладоги. В целом же работы Ладожской экспедиции позволили выдвинуть новую концепцию первых веков истории Ладоги и ее округа, в частности, подтвердили поразительное совпадение данных летописи и археологии, освещающих события середины—второй половины IX в.⁵⁵

Наряду с новыми, принципиально важными результатами работ в Ладоге качественным сдвигом в изучении Новгородской земли стали осуществленные под руководством А. Н. Кирпичникова многолетние исследования городов и крепостей на северных и северо-западных рубежах Великого Новгорода. Эти работы были начаты экспедициями ЛО Института археологии в 1968 г. (раскопки Орешка), затем последовательно были изучены Корела, Копорье, Ямгород. Здесь открыта серия новых памятников древнерусского зодчества (башни, стены, храмы), выявлены культурные напластования, характер застройки, планировка и динамика роста площади городов, структура околорадия. В ряде случаев даны рекомендации по восстановлению памятников архитектуры, а некоторые сооружения (стена 1352 г. в Орешке и стена 1114 г. в Ладоге) реставрированы и музеефицированы. Наряду с открытиями в области древнерусской культуры было установлено, что некоторые порубежные города Великого Новгорода состояли из двух общин: русской и неславянской (карельской, водской). Такие «русско-финские» пограничные поселения выявлены впервые.

Эти наблюдения важны в сопоставлении с итогами работ не только в Новгороде, но и в других городах и регионах русского Северо-Запада. Современный культурно-исторический фон для изучения новгородских памятников создают раскопки В. В. Седова в Изборске, исследования Пскова и его округа, обследования городов и городищ Русского Севера. В новых монографиях и статьях освещены связи городских центров со славянской и

⁵⁵ Кирпичников А. Н. 1) Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья. — В кн.: Славяне и Русь. Киев, 1979, с. 92—106; 2) Новооткрытая Ладожская каменная крепость. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979 г. Л., 1980, с. 441—455; Лебедев Г. С. Археологические памятники Ленинградской области, с. 221; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978, с. 90; Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения. — КСИА, 1980, в. 160, с. 27—28.

индоплеменной округой, жизнь различных «племенных областей» в составе Новгородской земли. Подведены итоги современного изучения древностей Приладожья, Карелии, Белозерья. Отношения славян и Новгорода с чудскими племенами детально разбираются в работах Е. А. Рябинина — о Ижорском плато, Н. В. Хвоцинской — о восточном Причудье, С. К. Лаул и М. Э. Аун — о курганах юго-восточной Эстонии. К 1980 г. по существу сформировалась качественно новая источниковедческая база для изучения славяно-русской археологической проблематики всей Северной Руси.⁵⁶

Заметно возрос уровень критики источников и постановки исследовательских задач.⁵⁷ Наряду с концепцией В. В. Седова была предложена гипотеза славянского расселения и формирования «Верхней Руси» (Новгородско-Псковской земли IX—XI вв.), в которой развивались взгляды И. И. Ляпушкина на соотношение сопок, длинных курганов и «достоверно славянских памятников»

⁵⁶ Кирпичников А. Н. 1) Опыт комплексного использования писцовых книг и исторической топографии для характеристики средневекового русского города (по материалам Корелы XV—XVII вв.). — Вспомогат. истор. дисциплины, XI. Л., 1979, с. 68—90; 2) Историко-археологическое исследование древней Корелы («Корельский городок» XIV в.). — В кн.: Финно-угры и славяне. Л., 1979, с. 52—73; 3) Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. Л., 1980; Кирпичников А. Н., Петренко В. П. Тиверский городок (к вопросу изучения древностей Русской Карелии). — КСИА, 1974, в. 139, с. 106—114; Кирпичников А. Н., Овсянников О. В. Крепость Копорье по новым данным архитектурно-археологических исследований. — СА, 1978, № 3, с. 103—118; Кочуркина С. И. 1) Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973; 2) Археологические памятники корелы V—XV вв. Л., 1981; Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973; Назаренко В. А. 1) Об этнической принадлежности приладожских курганов. — В кн.: Финно-угры и славяне. Л., 1979, с. 152—156; 2) Исторические судьбы Приладожья и их связь с Ладогой. — В кн.: Славяне и Русь. Киев, 1979, с. 106—114; 3) Об уровне социально-экономического развития населения юго-восточного Приладожья IX—X вв. — В кн.: Fenno-ugri et slavi 1978. — NYAL, Helsinki, 1980, s. 261—275; Рябинин Е. А. 1) Новгород и северо-западная область Новгородской земли (культурные взаимодействия по археологическим данным). — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 56—63; 2) Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. САИ Е1-60, Л., 1981; Хвоцинская Н. В. Население восточного побережья Чудского озера. — КСИА, 1976, в. 146, с. 18—24; Лаул С. К. Погребальные памятники прибалтийских финнов в I тыс. н. э. — Вопр. финно-угроведения, Саранск, 1975, в. 6, с. 378—384; Аун М. Э. Юго-восточная Эстония во второй половине I тыс. н. э. — Тез. докл. научн. семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли». Псков, 1980, с. 4—6; Седов В. В. Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг. — КСИА, 1975, в. 144, с. 67—74; Белецкий С. В. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города). — КСИА, 1980, в. 160, с. 3—18; Плоткин К. М. Археологические памятники второй половины I тыс. н. э. в бассейне нижнего течения р. Великой. — Тез. докл. научн. семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли». Псков, 1980, с. 17—18; Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Дубов И. В. Северная Русь (некоторые итоги археологических исследований). — КСИА, 1981, в. 164, с. 3—11.
⁵⁷ Носов Е. П. Источники по славянской колонизации Новгородской земли. — Вспомогат. истор. дисциплины, VI. Л., 1974, с. 212—241.

(поселений и круглых курганов, предшествующих преемственно связанной с ними древнерусской культуре).⁵⁸ На первый план была выдвинута задача выявления весьма слабо изученных поселений второй половины I тыс. н. э. и увязки их с погребальными памятниками. В работах Е. Н. Пособа детально прослежен процесс формирования сельского расселения, во многом связанный с сопками; по-новому раскрыто место Новгорода и Ладоги на Волжско-Волховском пути, а в связи с этим — роль ранних поселений (в частности, Рюрикова городища) в формировании Новгорода.⁵⁹

Во второй половине 1970-х гг. проблематика древностей Новгородской области и связанных с ней территорий активно обсуждалась на различных региональных, всесоюзных и международных конференциях, пленумах и сессиях.⁶⁰ Возросли координация и целенаправленность археологических работ в Новгородской земле. Однако оценки многих видов древностей остаются противоречивыми. До сих пор исследователи оперируют не «археологическими культурами», а достаточно условно выделенными категориями памятников («сопки», «длинные курганы» и т. п.), и на современном уровне наших знаний пока что только таким образом можно построить их систематическое описание.

ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ

Поселения

Неолит. Заселение территории Новгородской области начинается в эпоху мезолита и продолжается в неолите. Десятки неолитических стоянок сосредоточены на юго-востоке области, близ Валдайской возвышенности, на сухих высоких местах, поросших лесом, с развитой сетью озер и рек, выходами кремневых пород. В V—IV тыс. до н. э. здесь были распространены памятники

⁵⁸ Лебедев Г. С. Начало Верхней Руси по данным археологии. — В кн.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977, с. 90—95; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси... с. 61—100.

⁵⁹ Пособа Е. Н. 1) Поселения Приильменья и Поволховья в конце I тыс. н. э. — Автореф. канд. дисс. М., 1977; 2) Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII—X в. — Вспомогат. истор. дисциплины, VIII. Л., 1976, с. 95—110; 3) Лепная керамика из раскопок на Рюриковом городище под Новгородом. — В кн.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977, с. 95—98.

⁶⁰ Шаскольский И. П., Лебедев Г. С. Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья (научное совещание на кафедре археологии ЛГУ). — Скандинавский сборник. Таллин, 1977, 22, с. 307—309; Финно-угры и славяне. Докл. I советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 15—17 ноября 1976 г. Л., 1979; Feppo-ugri et slavi 1978. — NYAL, Helsinki, 1980, 22; Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.

верхневолжской неолитической культуры, в западной части области — стоянки нарвской культуры, синхронной верхневолжской и связанной с нею общей мезолитической свидерской подосновой. Примерно так же во II тыс. до н. э. на территории области граничат ареалы фатьяновской культуры и генетически близкой ей культуры прибалтийских ладьевидных топоров. В XIII—XII вв. до н. э. (конец фатьяновской культуры) на стоянках Северо-Запада распространяется «раннетекстильная» керамика, которая, по мнению Н. Н. Гуриной, «зародившись в недрах неолита и пройдя определенный путь развития, превратилась в керамику городищ дьякова типа».⁶¹

Эпоха раннего металла. Появление текстильной и встречающейся вместе с нею штрихованной керамики объясняется определенными технологическими и хозяйственными новшествами.⁶² Меняются состав теста, форма и орнаментация посуды, кремневый инвентарь. Поселения этого времени (их известно свыше 20 в среднем течении р. Мсты и в других местах)⁶³ характеризуются иной по сравнению с неолитической топографией: уже не прослеживается неразрывная связь стоянок с берегами водоемов и рек. По заключениям П. Н. Третьякова и Н. Н. Гуриной, с памятниками «эпохи раннего металла» генетически связаны поселения и городища дьяковской (или «западнодьяковской», по Третьякову) культуры; основные черты этой культуры сложились в области Верхнего Поволжья, и принадлежала она поволжским и прибалтийским финно-уграм.⁶⁴

Ранний железный век. Древнейшие городища Новгородской области входят в так называемую Валдайскую группу дьяковских памятников. Поселения расположены на мысах или озах, с напольной стороны защищены валом и рвом (городища на оз. Пирос в бассейне Мсты, Сельцо, Городок, Шелгуново в южном Приильменье, Косицкое, М. Удрай — на верхней Луге). Площадь поселений не превышает 1200—1500 кв. м, бывает и меньше; они оставлены, видимо, небольшими патриархально-родовыми общинами.

На городище Сельцо открыты остатки поставленной на материке бревенчатой наземной постройки длиной не менее 10 м;

⁶¹ Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Верхневолжская неолитическая культура. — СА, 1977, № 3, с. 42—68; Крайнов Д. А. Фатьяновская культура в этногенезе балтов. — В кн.: Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига, 1980, с. 36—46; Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада... с. 100.

⁶² Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978, с. 231.

⁶³ Петров М. И. Неолитическая стоянка «Стрелка»... с. 215; Орлов С. Н. Памятники эпохи раннего металла в окрестностях Новгорода. — СА, 1967, № 2, с. 233—236.

⁶⁴ Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада... с. 100; Третьяков П. Н. 1) Древнейшие городища... с. 76; 2) Бологовское городище. — КСИА, 1962, в. 87, с. 41; 3) Финно-угры, балты и славяне... с. 141.

в нижнем слое городищ Сельцо и Городок найдены железные серпы, зернотерки, кости животных (в основном диких — лося, волка, медведя, кабана), баночная керамика со штрихованной, «рогожной» и «текстильной» поверхностью и неорнаментированная.⁶⁵

Известны селища примерно с такой же керамикой. Они расположены на высоких береговых террасах и холмах, иногда перекрыты сопками (связь между этими памятниками неясна). Основные находки — лепные черепки, железные вещи, шлаки, глиняная обмазка. Керамика — грубая, с примесью дресвы, по форме приближается к баночной. Текстильный характер поверхности выражен слабо, она орнаментирована ямками, зубчатым штампом.⁶⁶

С. Н. Орлов датировал все эти поселения рубежом нашей эры. Возможно, они существовали и позднее; в первой половине — середине I тыс. н. э. штрихованная и текстильная керамика вытесняется лепной неорнаментированной; увеличиваются площадь и число поселений. Появляются городища с мощными укреплениями из нескольких валов; на некоторых поселениях этого времени (Городок на р. Маяте, Малышево на р. Белой), кроме лепной, найдены черепки гончарной посуды.⁶⁷

Вторая половина I тыс. н. э. Ряд памятников можно отнести к этому времени лишь условно, так как неизвестной остается дата распространения лепной неорнаментированной керамики, не разработана ее типология, и лишь в последние годы намечается связь между поселениями и погребальными памятниками. Возможно, более ранним периодом датируется селище у д. Хоромы на оз. Крюково, раскопанное в 1959 г. сотрудниками Боровичского краеведческого музея. Здесь найдены лепные черепки, много оборетого колотого камня, глиняной обмазки с отпечатками бревен (возможно, остатки бревенчатых построек с печами-каменками). Сосуды грубые, баночной формы, есть горшки из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка и лощением в верхней части. Найдены биконические глиняные пряслица, железные вещи и шлаки, обмазка сырдутых печей.⁶⁸ На поселении Кобылья Голова у д. Полосы Новгородского района также открыты развалы печей-каменок, найдены сотни кусков глиняной обмазки от бревенчатых построек. Здесь же исследованы грунтовый могильник с сожжениями и курганы с сожжениями на

⁶⁵ Орлов Н. С. Памятники I тыс. н. э. ..., с. 23—31; Орлов С. Н. Городище эпохи раннего железа в низовьях реки Ловати. — КСИА, 1962, в. 87, с. 42—45.

⁶⁶ Орлов С. Н. Памятники эпохи раннего железного века и средневековья в долине реки Волхов. — В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.

⁶⁷ Орлов Н. С. Памятники I тыс. н. э. ..., с. 32—35; Тищенко А. В. Отчет о раскопках 1910 и 1911 гг. в Новгородской губ. — В кн.: Тищенко А. В. Его работы. Статьи о нем. Пгр., 1916, с. 63—70.

⁶⁸ Орлов Н. С. Памятники I тыс. н. э. ..., с. 86—89.

стороне, которые С. Н. Орлов отнес к IX—X вв. На поселении есть керамика раннего железного века и древнерусские материалы.⁶⁹

На оз. Съезжем исследовано поселение с бревенчатой наземной постройкой размером 5×7 м, с каменным очагом в центре. Среди находок половина каменного жернова, два железных серпа, пряслица, железные вещи, стеклянные бусы. Керамика лепная, слабопрофилированная, без орнамента. Как и на селище Кобылья Голова, поблизости от поселения на оз. Съезжем открыт грунтовый могильник с сожжениями, перекрытый более поздним, с длинным и круглыми курганами.⁷⁰

По сравнению с предшествующим временем селища второй половины I тыс. расположены на более низких местах, ближе к воде, площадь их иногда достигает нескольких гектаров. Ряд поселений открыт Е. Н. Носовым возле сопки. Раскопанное им селище у д. Золотое Колоно на Мсте датируется сравнительно поздним временем (IX—X вв.). Оно было застроено наземными срубными домами площадью 18—24 кв. м, с печью-каменкой в одном из углов. Среди находок бусы, дирхемы, ножи, пряслица, оселки. Керамика — с ребром по плечу или горизонтальными каннелюрами.⁷¹

По данным Е. Н. Носова, к последним векам I тыс. относятся 16 городищ и 42 селища Приильменя и Поволховья (включая Ленинградскую обл.). В Новгородской области раскопки проведены лишь на немногих из них. На городище Сельцо в южном Приильменье над слоем «раннего железного века» открыт слой второй половины I тыс., с развалами печей-каменок, стоявших в наземных жилищах. Постройки располагались вдоль края площадки. Лепная посуда отличается сравнительным единообразием: крупные слабопрофилированные кухонные горшки и небольшие столовые сосуды той же формы; найден фрагмент глиняной сковородки, железные ножи, шлаки, крицы, глиняная обмазка. Примерно так же слой «раннего железного века» сменяется слоем с неорнаментированной керамикой и постройками с печами-каменками в Городке на Ловати.⁷²

Поселение с аналогичной керамикой (близкой по пропорциям «пражскому типу») на р. Прость в окрестностях Новгорода С. Н. Орлов отнес к IX в., отметив при этом близость керамических форм лепной посуды из нижних слоев Новгорода.⁷³

⁶⁹ Орлов С. Н. Археологические исследования в низовьях р. Мсты. — СА, 1968, № 3, с. 160—172.

⁷⁰ Носов Е. Н., Верхорунова Т. Л. Исследование комплекса культуры длинных курганов на оз. Съезжем в Новгородской области. — Археол. открытия 1976 г., М., 1977, с. 25—26.

⁷¹ Носов Е. Н., Конечный В. Я. Разведки на средней Мсте, с. 28—29.

⁷² Орлов Н. С. Памятники I тыс. н. э. ..., с. 104—137; Орлов С. Н. Городище..., с. 43.

⁷³ Орлов С. Н. Славянское поселение на берегу р. Прость, около Новгорода. — СА, 1972, № 2, с. 127—139.

Древнерусская эпоха. Некоторые поселения X—XIII вв. в нижних слоях также содержат лепную керамику слабопрофилированных форм. Она найдена среди остатков срубных построек, в развалах печей-каменок, ямах на городище Княжая Гора, в Городке на Шелони.⁷⁴ Более ранняя основа выступает и в некоторых древнерусских поселениях близ Новгорода.⁷⁵

В общей сложности в пределах Новгородской области сейчас известно свыше 90 городищ и неукрепленных поселений. По крайней мере 23 из них относятся к раннему железному веку (со штрихованной и текстильной керамикой). Из этих памятников 4 существуют и позднее, при этом 3 доживают до древнерусского времени. Ко второй половине I тыс. можно, по предварительным данным, отнести 36 поселений, из них 15 существовали и в древнерусское время. Собственно древнерусских поселений известно не менее 23, на 16 из них есть более ранние слои.

Несмотря на эти соотношения, переход от более ранних поселений к древнерусским остается неясным. Безусловно, в Новгородской земле во второй половине, а особенно в последней четверти I тыс. возникли сгустки новых поселений, во многих случаях вокруг городищ на водных путях; на многих селищах этого времени найдена гончарная керамика X в.⁷⁶ В то же время более поздних материалов на селищах, связанных с сопками, нет. Почему они в массе своей не переходят в древнерусскую эпоху, пока неизвестно. Возможно, как предполагает Е. Н. Носов, эти памятники связаны с господством подсечного земледелия; в таком случае при распространении пашенного могла произойти передвижка населения, оборвавшая традицию селитьбы при сопках. Необходимы более дробная культурно-хронологическая стратификация поселений и увязка их с погребальными памятниками разного времени, вплоть до X—XIII вв.

Погребальные памятники

Грунтовые могильники с сожжениями. В южном Приильменье известны загадочные «каменные круги» диаметром до 16—20 м, расположенные возле сопки (Солоницко, Подгощи и Луки, Суцево).⁷⁷ В некоторых из них открыты остатки сожжений и вещи (Солоницко), которые исследователи датировали в интервале

⁷⁴ Мильков В. В., Орлов С. Н. Раскопки на месте города Демона. — Археол. открытия 1973 г., М., 1974, с. 21—22; Орлов С. Н. Городец Александра Невского на Шелони. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 46—50.

⁷⁵ Орлов С. Н., Аксенов М. М. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода. — Новгородск. истор. сборник, в. 10, 1962, с. 164—166.

⁷⁶ Носов Е. Н. Поселения..., с. 22.

⁷⁷ Рерих Н. К. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца. — ЗРАО, 1899, т. 9, в. 1—2, с. 371—372; Седов В. В. Новгородские сопки..., с. 17.

III—IV—VII вв.⁷⁸ Возможно, эти памятники следует рассматривать в связи с различными «каменными могильниками», известными в Эстонии, на Гдовщине («Ореховские пепелища», раскопанные Г. Р. Шмидтом), с неясными кладками типа Извары на Ижорском плато.⁷⁹ С другой стороны, по предположению Е. А. Рябининой, «каменные круги» могли послужить своего рода звеном при переходе от сопки к жальникам; известны наиболее ранние жальники, «покрытые сверху круглой сплошной настилкой из камней», т. е. близкие по форме «каменным кругам».⁸⁰ В Юрьевском жальнике (бассейн Мсты) сочетаются черты сопки, «кругов» и «культуры приладожских курганов», что позволяет рассматривать его как «памятник переходного типа».⁸¹

В восточном Приильменье открыты грунтовые могильники с остатками сожжений в ямках (иногда в урнах); в погребениях найдены синие бусы, фрагменты бронзовых украшений. Могильники (в уроч. Кобыля Голова и на оз. Съезжем) расположены поблизости от поселений и связаны с курганными группами; все эти памятники близки по времени.⁸²

Если «каменные круги» (может быть, более ранние) тяготеют к сопкам, то грунтовые могильники по обряду, вещам, керамике связаны с длинными курганами. Возможно, единичные пока «каменные круги» и грунтовые могильники составляют особый, ранний пласт погребальных древностей, охватывающий примерно IV—VII/VIII вв. и предшествующий распространению длинных курганов и сопки.

Длинные курганы. В своде В. В. Седова на территории Новгородской области отмечено 27 групп с длинными курганами. Сейчас их известно не менее 55. Несомненно, карта длинных курганов будет пополняться (слабо изучен бассейн Шелони). Но уже ясно, что они были распространены как западнее, так и восточнее оз. Ильмень, располагаясь «чересполосно» с сопками.⁸³

Оба вида памятников тяготеют к резко различным ландшафтам. Длинные курганы (вместе с круглыми, группами до 10—15 насыпей) располагаются на песчаных возвышенностях в сос-

⁷⁸ Alexandrov V. V., Tallgren A. M. Funde aus der römischen Eisenzeit im Gouv. Novgorod. — ESA, Helsinki, 1930, 5, S. 100—108; Шмидтхельм М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, с. 200; Седов В. В. Новгородские сопки..., с. 17.

⁷⁹ Архив ЛОИА, ф. 4, № 176, л. 7, 15; [Рерих Н. К.]. Раскопки художника Н. К. Рериха в Петербургской губернии в 1895—1898 гг. — ЗРАО, 1899, т. 11, в. 1—2, с. 328—329.

⁸⁰ Лебедев Г. С., Рябинин Е. А. Сопки и жальники. — Проблемы археологии, в. 2, Л., 1978, с. 152—163; Спицын А. А. Сопки и жальники, с. 154.

⁸¹ Передольский В. С. Бытовые остатки..., с. 47; Лебедев Г. С., Рябинин Е. А. Сопки и жальники, с. 158—159.

⁸² Орлов С. Н. Археологические исследования..., с. 166; Носов Е. Н., Верзубова Т. Л. Исследование..., с. 25—26.

⁸³ Седов В. В. Длинные курганы..., с. 51—53; Конечный В. Я. К вопросу о сопках и длинных курганах в бассейне р. Мсты. — В кн.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977, с. 83—85.

новых борах, на задрях с легкими супесями или на озерно-ледниковых, озерно-аллювиальных и озерных равнинах. Эти природные условия практически исключают если не наличие, то во всяком случае заметную роль в хозяйстве земледелия, даже подсечного: песчаные почвы засушливы и неплодородны, а сосна при сторании дает очень мало золы.⁸⁴

В длинных курганах (и одновременных им круглых, в тех же группах) обнаружены остатки сожжений на стороне, в ямках, насыпях, реже — урнах. Вещи редки (нашивные бляшки, пластины от головных венчиков, обломки бронзовых браслетов с расширяющимися концами и пр.). Керамика лепная, баночных форм. Самые ранние комплексы датируются на Луге V—VI вв., на Мсте — VI—VII вв.; известны единичные более поздние комплексы (на верхней Луге).⁸⁵ В отдельных группах длинные курганы сочетаются с сопками (Кобожя—Левоча, Подол, Березовский рядок в Калининской обл.).⁸⁶ В Замощье (Верхнее Полужье) длинный курган находился вместе с древнерусскими.⁸⁷

В целом длинные курганы производят впечатление наиболее ранних насыпей. Их распространение можно отнести к V—VII вв. Происхождение этих памятников остается неясным, но так или иначе исследователи связывают их обычно с местными древностями раннего железного века.⁸⁸

В последние годы в составе групп с длинными и круглыми курганами стали выделять «сопкообразные», до 2 м высоты. Они встречаются и поодиночке, по две-четыре насыпи. Раскопанные курганы можно отнести к третьей четверти I тыс.; они близки как длинным курганам, так и сопкам (среди которых есть насыпи с набором тех же вещей VI—VII вв., что и в длинных курганах). Возможно, эти памятники составляют непосредственное продолжение обширного массива «больших курганов», известных на Верхней Оке, Смоленщине, Полотчине; они есть и к юго-западу от Приильменя, в Опочском районе, Себеж-

⁸⁴ *Рерих Н. К.* Некоторые древности пяти Деревской и Бежецкой. — ЗОРСА, 1903, т. 5, с. 15—16; *Микляев А. М.* О ландшафтной приуроченности некоторых типов археологических памятников на Северо-Западе СССР. — В кн.: *Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене*, ч. 1. М., 1974, с. 242—246.

⁸⁵ *Лебедев Г. С., Платонова Н. П., Лесман Ю. М.* Археологическая карта памятников второй половины I тыс. в Верхнем Полужье. — В кн.: *Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья*. Л., 1982; *Орлов С. Н.* Памятники кривичей..., с. 33; *Лебедев Г. С.* Длинные курганы Верхнего Полужья. — КСИА, 1974, в. 139, с. 69—73; *Седов В. В.* Длинные курганы..., с. 28—31.

⁸⁶ *Пронин Г. П.* Работы Новгородского отряда..., с. 30; *Седов В. В.* Длинные курганы..., с. 53; *Тищенко А. В.* Отчет..., с. 72—73.

⁸⁷ *Спицын А. А.* Раскопки курганов у с. Малый Удрай в Новгородской губернии. — ИАК, 1914, в. 53, с. 93—94.

⁸⁸ *Седов В. В.* Длинные курганы..., с. 41; *Лауа С. К.* Погребальные памятники прибалтийских финнов в I тыс. н. э., с. 378—384; *Аун М. Э.* Юго-восточная Эстония во второй половине I тыс. н. э., с. 4—6; *Гроздилов Г. П.* Памятники..., с. 26—27.

ском поозерье.⁸⁹ В. В. Седов и другие исследователи относили эти памятники к «дославянскому населению»; на Верхней Оке они датируются концом V—VI в. Весьма правдоподобным представляется предположение, что «большие курганы» в северных районах дали начало традиции сопок.⁹⁰

Сопки. Высокие крутобокие насыпи, расположенные на красивых возвышенных местах, речных берегах, среди полей, считаются классическими памятниками Новгородской земли. В современных границах области находится свыше 350 групп сопок (из 470 с лишним, учтенных в своде В. В. Седова). В них насчитывается примерно 700—800, может быть, до 1000 насыпей. Область «плотного распространения сопок» (по Седову) охватывает бассейны Мсты, Ловати, нижней Шелони, верхней Луги, верхней Мологи.

Сопки тяготеют к моренной зоне. Поодиночке или группами из 2—6, реже — более насыпей они располагаются на окраинах холмисто-моренного рельефа, а также на моренных равнинах, в местах древних широколиственных лесов. В 106 случаях из 479 отмечено соседство с сопками жальников или (реже) курганов X—XIII вв. Ландшафтные условия позволяют связывать распространение сопок с типом хозяйства, основанным на подсечно-огневом земледелии.⁹¹

Раскопано (в основном до революции) свыше 80 насыпей, т. е. около 10% от общего числа сопок; из них примерно четвертая часть находится в отдельном скоплении на нижнем Волхове, близ Ладоги.

Погребальный обряд сопок изучен слабо. Известны насыпи с остатками сожжения на месте, на кострище в основании (Бежецки, Рельи); многослойные насыпи с каменными венцами, вымостками, «жертвенниками» (низовья Ловати).⁹² В Помостье и Приладожье есть сопки, окруженные ровиками, с кострищами без следов погребения («огневищами») и остатками сожжений, помещенными отдельно. Сожжение на стороне — основной обряд в сопках Ладоги, с каменными венцами и другими конструкциями. В южном Приладожье есть ингумации в сопках с ритуальными очагами и другими чертами приладожской культуры.⁹³

⁸⁹ *Лебедев Г. С.* Новые данные о длинных курганах и сопках. — В кн.: *Проблемы археологии и этнографии*. Л., 1977, с. 37—46; *Архив ЛОИА*, ф. 2, 1928, № 116; *Тараканова С. А.* Себежские городища и курганы. — В кн.: *Вопросы этнической истории народов Прибалтики*. М., 1959, с. 118—121.

⁹⁰ *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья..., с. 152; *Трегьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне..., с. 284—285; *Носов Е. Н.* Источники по славянской колонизации..., с. 233.

⁹¹ *Седов В. В.* Новгородские сопки, с. 9, 24—27; *Микляев А. М.* О ландшафтной приуроченности..., с. 245—246; *Носов Е. Н.* Поселения..., с. 10.

⁹² *Ходаковский З.* Сопки, с. 373; *Лебедев Г. С.* Сопка у д. Рельи в Верхнем Полужье. — КСИА, 1978, в. 155, с. 96; *Ивановский Л. К.* Материалы для изучения..., с. 58—67; *Архив ЛОИА*, ф. 35, оп. 2, № 155, с. 5—8.

⁹³ *Колмогоров А. И.* Тихвинские курганы. — Труды XV Археол. съезда, М., 1914, т. I, с. 414; *Бранденбург Н. Е.* Курганы..., с. 135—141; *Лебедев Г. С., Рябинин Е. А.* Сопки и жальники, с. 156—157.

Многие особенности ритуала и устройства сопок связаны с другими соседними культурами: каменные венцы — с курганами юго-восточной Прибалтики, вымостки и кучи — с «каменными могильниками», треугольные кладки — с подобными же в норманских курганах; захоронения коней (более чем в 10 сопках) возводят к традициям балтов, кости других животных (медвежья лапа, кости коровы, кошки, собаки, россомахи, зайца, орла и пр.) напоминают о финно-угорских обычаях.⁹⁴

Раскопками последних лет в полах некоторых сопок с каменными венцами обнаружены захоронения по обряду сожжения; позднее, видимо, их сменили труположения в могильниках возле сопок. Эти и некоторые другие разновидности тяготеющих к сопкам погребений позволяют установить определенную взаимосвязь между сопками и сменяющими их жальниками Новгородской земли.⁹⁵

Вещевой материал сопок сравнительно беден. Единичные известные сосуды близки баночной, слабопрофилированной керамике длинных курганов. Есть также реберчатые горшки «ладожского типа» (характерные для поселений близ сопок). В некоторых насыпях обнаружены гончарные сосуды (например, западнославянский горшок в сопке у д. Золотое Колено).⁹⁶ В одной из ладожских сопок найден поясной набор прикамского облика, в других — бляшки, подвески и прочие вещи, близкие культуре смоленско-полоцких длинных курганов VIII—IX вв. Сравнительно часто встречаются стеклянные и пастовые бусы (пронизки, глазчатые, синие), ножи, есть бубенчики, грести, детали конской сбруи, двушипный дротик, подвеска со «знаком Рюриковичей». В сопке у д. Репьи найден набор украшений, характерный для длинных курганов VI—VII вв. Такие же вещи происходят из липецких курганов на р. Поле, которые В. В. Седов назвал «недосыпанными сопками» и датировал VI в.

Эти находки позволяют отнести самые ранние погребения «в области плотного распространения сопок» к VI—VII вв., в районе Ладоги — к середине VIII в. На окраине ареала сопок, в южном Приладожье, многие насыпи (с оружием, сожжениями и труположениями) датируются X—XI вв.⁹⁷

Возможно, что разновременные погребения в сопках отразили различные этнокультурные традиции. В сопках Старой Ладоги последовательно сменяют друг друга финский, балтский, норман-

⁹⁴ Седов В. В. Новгородские сопки..., с. 13—23; Тухтина И. В. Об этнической принадлежности..., с. 188—193.

⁹⁵ Петренко В. И. 1) Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладоги. — КСИА, 1977, в. 150, с. 55—61; 2) Сопка у д. Михаила-Архангела в юго-восточном Приладожье по раскопкам П. Е. Брандэнбурга в 1886 г. — КСИА, 1980, в. 160, с. 69—76; Лебедев Г. С. Сопка у д. Репьи..., с. 98.

⁹⁶ Любомиров П. Г. Отчет о раскопках..., с. 222—240, рис. 4.

⁹⁷ Седов В. В. Новгородские сопки..., с. 28; Лебедев Г. С., Рябилин Е. А. Сопки и жальники, с. 158.

нский и славянский культурные комплексы.⁹⁸ В этой или иной мере подобные изменения, вероятно, происходили и в других регионах. При этом не исключено, что погребальные традиции середины I тыс. восходят к более ранним местным культурам железного века, т. е. первые курганные насыпи сооружались до славянским населением, а в последней четверти I тыс. это население смешалось со славянами. Следует учесть, что в VIII—первой половине IX в. еще не сложились специфические «племенные» элементы культуры, которые позволили бы выделить славянские погребения.⁹⁹ Во всяком случае пока вряд ли стоит безоговорочно связывать сопки с «племенем» словен ильменских, очерчивая по этим памятникам территорию и направления расселения славян; именно на окраинах и за пределами основного ареала неславянская принадлежность сопок выступает наиболее четко. Однако в течение VIII—IX и последующих столетий создатели сопок, безусловно, почти полностью растворились в составе древнерусского сельского населения Новгородской земли. Таким образом, сопки отразили важные этапы процесса формирования этого населения.

Круглые курганы с сожжениями известны практически во всех группах с длинными курганами, и в 12 таких могильниках раскопано не менее 45 круглых насыпей. По обряду и вещам они не отличаются от длинных и составляют с ними единое культурное целое (хотя некоторые комплексы можно датировать относительно поздним временем, VIII—IX вв.).

Гораздо реже отмечены круглые курганы с сожжением возле сопок. Они раскопаны в группах у деревень Яновище и Хузютино на Ловати, у д. Подшевелиха на Мсте.¹⁰⁰

И. И. Ляпушкин пытался в свое время выделить самостоятельный культурно-хронологический пласт могильников VIII—IX вв., состоящих только из круглых курганов с сожжениями (включая «пустые» насыпи).¹⁰¹ В пределах Новгородской земли таких могильников известно около 20, в них раскопано до 60 курганов (для сравнения отметим, что группы с длинными курганами раскопано также около 20). Наибольшее число могильников из круглых насыпей зафиксировано пока на Мсте, в южном Приильменьи они распространены по юго-восточному водоразделу бассейна Ловати. Региональная и топографическая обособленность не позволяет рассматривать круглые курганы с сожжениями как этап развития традиции сопок (гораздо резче выступает связь сопок с поздними курганами XI—XIV вв., особенно с жальниками того же времени).

⁹⁸ Лебедев Г. С. Археологические памятники Ленинградской области..., с. 181—188; Булкин А. В., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси..., с. 66—71.

⁹⁹ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы..., с. 120.

¹⁰⁰ Седов В. В. Новгородские сопки..., с. 35, 37, 39—40.

¹⁰¹ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы..., с. 97—110.

Обряд круглых курганов с сожжением известен плохо. Кремация производилась на стороне, останки помещались обычно в верхней части насыпи, урны найдены в трех могильниках. Вещей нет.

Исключительная бедность этих памятников, может быть, позволяет как-то отделить их от могильников с длинными курганами, где в насыпях различной формы известны все-таки вещи VI—VIII вв. Нет пока реальных оснований связывать эти курганы и с сопками. Случаи контаминации традиций круглых, длинных курганов и сопок известны пока только в восточном Приильменье, в бассейне Мсты. Не исключено довольно раннее взаимодействие различных традиций в этом районе. Здесь же и наибольшая концентрация групп из круглых курганов, при этом не связанных, видимо, с сопками.

Если учесть возможную увязку сопок с «сопкообразными» насыпями V—VI вв., близкими по времени и культуре длинным курганам, то все насыпи с сожжениями составляют единый хронологический, так сказать, средний пласт погребальных древностей. В его нижней части — длинные, синхронные им круглые, сопкообразные курганы (возможно, и первоначальные насыпи ряда сопок, позднее досыпанных). В верхней, более поздней, — основная часть погребений в сопках, круглые насыпи VIII—IX вв., в группах с длинными курганами, и, возможно, могильники, состоящие только из круглых курганов с сожжениями. При хронологических и ландшафтно-топографических различиях все эти виды памятников в целом существуют примерно одновременно, в ряде случаев объединяются в составе одних и тех же могильников, и все соприкасаются с древнерусской курганной культурой X—XIII вв.

Древнерусские курганы. Могильники X—XIV вв., насчитывающие до нескольких десятков курганов и более, располагаются на возвышенных, хорошо заметных издали местах, довольно далеко от воды, нередко среди полей. Встречаются скопления курганов возле сопок, однако большинство курганов групп с сопками не связано (так, на Ижорском плато сопки вообще неизвестны). Эти сельские кладбища появились в эпоху активной крестьянской колонизации, основанной на пашенном земледелии, расчистке новых земель.

Новгородские курганы часто окружены по основанию венцами из валунов или плитняка; встречаются и более сложные каменные конструкции.¹⁰² Погребения — в грунтовых ямах, с западной ориентировкой. В мужских могилах вещи редки, в женских — наборы височных колец (ромбоштитковых и браслетообразных), бусы, подвески, монеты, реже — браслеты, перстни. Отдельные элементы убора (венчики, трапециевидные и зооморфные подвески) представляют культурный вклад дославянского

¹⁰² Ершевский Б. Д. Ильменские курганы..., с. 17.

населения. В целом же единообразие курганного обряда говорит об этнокультурной интеграции древнерусской народности даже в таких сложных по этническому составу районах, как Ижорское плато.

В могильниках бассейна Мсты—Мологи, Ижорского плато, Верхней Волги улавливается переход от наиболее поздних курганов с сожжением X—начала XI в. к курганам с ингумациями XI—XII вв.¹⁰³ В Пестовских курганах (верховья р. Мологи) раскопано 68 насыпей второй половины X—первой половины XI в. В 9 из них обнаружены сожжения (5 — в насыпи, 2 — на костре, еще 2 на костре возле каменной кладки, напоминающей приладожские «очаги»). 42 кургана — с ингумациями в грунтовых ямах, в основном с западной ориентировкой. Инвентарь типичен для древнерусской курганной культуры XI в. В керамике и в какой-то мере в обряде ощущается воздействие местной финской среды.¹⁰⁴ В целом, однако, курганы этой дальней окраины близки таким памятникам центральных районов Новгородской земли, как Хренельские курганы, раскопанные А. В. Арциховским.¹⁰⁵

Собственно в Приильменье древнерусские курганы встречаются сравнительно редко. На сводной карте 1956 г. в центральных районах Новгородской земли отмечено около 150 курганных групп (50 — на верхней Луге, 10 — на Шелони, 40 — в южном и 50 — в восточном Приильменье). При этом нередко включены более ранние могильники с длинными курганами; на Ловати отмечено около 20 групп сопок (в отчетах Л. К. Ивановского и М. И. Артамонова названных «курганами»)¹⁰⁶ Но и без этих коррекций плотность курганных групп в Приильменье ощутимо ниже, чем на верхней Луге и особенно на Ижорском плато. В ближайшей округе Новгорода памятники древнерусской курганной культуры встречаются лишь спорадически.

Жальники. Не менее, если не более, чем курганы XI—XIV вв., для Новгородской земли характерны жальники, грунтовые могилы с труположениями, окруженные массивными оградами из валунов. Они располагаются близ деревень, на песчаных возвышенностях в сосновых борах. Иногда жальники размещаются на окраинах курганных групп, реже — возле сопок.

В сводке Н. И. Репникова 1931 г. учтено свыше 700 памятников.¹⁰⁷ Основная часть жальничного массива занимает восточное Приильменье и прилегающую к нему часть Приладожья

¹⁰³ Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель..., с. 190—229; Ширинский С. С. Городище и курганы..., с. 40—41.

¹⁰⁴ Голубева Л. А. Пестовские курганы..., с. 53—60; Архив ЛОИА, ф. 2, 1925, № 213; 1926, № 175.

¹⁰⁵ Арциховский А. В. Раскопки в Новгородской земле..., с. 187—194.

¹⁰⁶ Успенская А. В., Фелнер М. В. Указатель..., с. 186—222; Ивановский Л. К. Материалы для изучения..., с. 60; Архив ЛОИА, ф. 2, 1928, № 11.

¹⁰⁷ Репников Н. И. Жальники Новгородской земли..., с. 10—24.

(бассейны Мсты, Тихвинки, Мологи). Много жальников в Верхнем Полужье и на Ижорском плато. В западном и южном Приильменье они редки.

Наиболее ранние жальники — подпрямоугольные или овальные каменные ограды, заключающие иногда по нескольку захоронений с вещами и остатками тризны; они датируются XI в. Более поздние погребения, с прямоугольными оградками, в гробовищах, почти без вещей, относятся к XII—XIV вв. Самые поздние жальники XIV—XVI вв. представляют собой грунтовые могилы с низкой овальной или предположительно насыпью, окруженной редко расставленными валунами; погребения без вещей.¹⁰⁸

Комплексы XI—XII вв. известны в пределах почти всего жальничного ареала (кроме Ижорского плато). Они исследованы у деревень Дохино (р. Кунья), Муровичи, Кривовичи (бассейн Великой), Заречье и Дубровка (Шелонь), Косицкое и Конезерье (верхнее Полужье), Юрьевский жальник (Мста). На Ижорском плато жальники датируются XIV—XVI вв. и представляют собой заключительный этап эволюции курганного обряда.¹⁰⁹

В пределах Шелонской пятины Великого Новгорода жальники XI в., видимо, непосредственно связаны с сопками. О «крутом и прямом переходе от сопок к жальникам» исследователи писали в разное время.¹¹⁰ Такой переход позволяет объяснить отсутствие во многих районах Новгородской земли древнерусских курганов и более детально проследить пути формирования сельского населения от VI—X (эпоха сопок) к XI—XVI вв. (эпоха жальников).

Принадлежность жальничных кладбищ «древним новгородцам» и, следовательно, их славянский характер не вызывали сомнений сто лет назад.¹¹¹ В работах последних лет, однако, все чаще подчеркивается финно-угорский облик если не всего жальничного массива, то по крайней мере отдельных его черт. «Изучение жальников может открыть дополнительные возможности при освещении русско-финно-угорских отношений на Северо-Западе», — писал П. Н. Третьяков.¹¹² Ареал, обряд, связи этих памятников указывают на то, что в формировании жальничной традиции определенную роль сыграл дославянский субстрат, «чужд» Начальной летописи.¹¹³

¹⁰⁸ Прусакова З. В. Грунтовые погребения жальничного типа XI—XV веков на территории Северо-Запада СССР. — В кн.: Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР. Л., 1972, с. 42—43.

¹⁰⁹ Лебедев Г. С., Рябинин Е. А. Сопки и жальники, с. 155, 158.

¹¹⁰ Спицын А. А. Сопки и жальники, с. 154; Рерих Н. К. Некоторые древности Шелонской пятины..., с. 352—353; Репников Н. И. Жальники Новгородской земли, с. 160.

¹¹¹ Волькенштейн Д. П. Несколько слов..., с. 39—40.

¹¹² Третьяков П. Н. У истоков..., с. 151; Тараканова С. А. Археологические памятники воды. — Тез. докл. на Объед. конф. по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии). М., 1955, с. 12—14; Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель..., с. 200.

¹¹³ Лебедев Г. С., Рябинин Е. А. Сопки и жальники, с. 161.

Сравнительно мало жальников в южном Приильменье, на Ловати. Чем здесь сменяются сопки, неизвестно. Возможно, эта лагуна будет заполнена по мере выявления новых видов погребальных памятников.

Грунтовые могильники с труположениями эпизодически раскапывались и раньше: возле сопки у д. Михаил-Архангел, Федовский могильник на Мсте.¹¹⁴ Уже А. А. Спицын видел в этих могильниках возможную альтернативу древнерусским курганам, отсутствующим во многих районах восточнее линии Ловать—Волхов.¹¹⁵ В последние годы В. Я. Конецкий исследовал Деревяницкий могильник под Новгородом и выявил еще ряд памятников того же типа.¹¹⁶ Эти кладбища располагаются на небольших возвышенностях. Так, Деревяницкий могильник был устроен на останце спивелированной сопки, при этом был засыпан ров вокруг насыпи, а на образовавшемся возвышении размещено кладбище. Исследовано свыше 70 погребений. Найденные в них вещи обычных курганных типов датируются концом X—XIII в.

Древнерусские курганы, жальники и, по-видимому, грунтовые могильники образуют последний, поздний пласт новгородских древностей. Еще предстоит исследовать как взаимоотношения этих памятников, так и связь их с более ранними. В перспективе они позволят раскрыть важные этапы и детали процесса формирования древнерусского населения края. Вещи могильников X—XVI вв. находят массовые аналогии в Новгороде, что позволяет при их изучении опереться на новгородские дендродаты.¹¹⁷ Топография этих памятников, связанных с деревьями, открывает возможность соединения данных археологии и письменных источников, прежде всего писцовых книг XV—XVI вв. Связанная с ними проблематика не исчерпывается этническим процессом, но охватывает широкий круг вопросов аграрной истории, демографии, социальной структуры сельского населения Новгородской земли.¹¹⁸

¹¹⁴ Бранденбург Н. Е. Курганы..., с. 140; Ширинский-Шихмагов А. А. Федовский могильник. — Труды II Обл. археол. съезда, Тверь, 1906, с. 53—62.

¹¹⁵ Спицын А. А. Старейшие русские могильники в Новгородской области. — ИАК, 1905, в. 15, с. 1—5.

¹¹⁶ Конецкий В. Я., Верхорубова Т. Л. Работы Новгородского музея. — Археол. открытия 1978 г., М., 1979, с. 16—17; Конецкий В. Я. 1) Хронология и этапы формирования Федовского могильника (к вопросу о сложении средневековых погребальных памятников в центральных районах Новгородской земли). — В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982; 2) Деревяницкий могильник. — КСИА, в. 164, с. 83—86.

¹¹⁷ Лесман Ю. М. 1) Древнерусские курганы Верхней Волги (по материалам дореволюционных раскопок). — В кн.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977, с. 106—112; 2) Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато. — В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.

¹¹⁸ Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV—XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.

Проблемы и перспективы

На протяжении тысячелетий территория Новгородской области выступает как место соприкосновения каких-то двух неясных, но устойчивых и, видимо, родственных массивов, представленных в западной и восточной части региона. Неолитические культуры — нарвская и верхневолжская, затем культуры прибалтийских ладьевидных топоров и фатьяновская;¹¹⁹ позднее то своеобразие памятников раннего железного века, которое заставило определить их как «западнодьяковские» в отличие от собственно дьяковских;¹²⁰ «каменные круги» и грунтовые могильники, затем длинные курганы и сопки, тяготеющие соответственно к более западным и более восточным районам; наконец, древнерусские курганы и жалники — вот археологические проявления этой неоднородности.

Время от времени она преодолевается, проявляются какие-то тенденции к интеграции: возможно, еще в раннем железном веке восточную и западную зоны объединила некая «предкурганная культура»; позднее — длинные курганы распространяются по всему Приильменью; сопкообразные насыпи известны от Оки и Верхней Волги до Плюссы и Луги. Объединяет обе зоны «область плотного распространения сопкок», наконец, раннесредневековая «Верхняя Русь», памятники IX—XI вв.¹²¹

Может быть, эти изменения отразили судьбы автохтонных группировок, тяготевших либо к прибалтийским, либо к волжско-финским племенам, интегрировавшихся в первой половине I тыс. н. э. в летописную «чудь», а затем, в ходе славянского расселения, растворившихся в составе древнерусской народности, либо — пограничных финских племен-федератов Новгородской земли.

Изучение этого процесса связано с решением ряда археологических проблем, определяющих перспективы исследований.

Неизученными остаются переход неолитических племен к эпохе раннего металла, а затем к раннему железному веку, формирование общности дьяковского круга, гипотетической «предкурганной культуры».¹²² Ни могильники, ни поселения, предшествующие длинным курганам и сопкам, систематически не изучены.

Требуется исследования соотношение длинных курганов и сопкок. В целом, по-видимому, эти группы памятников диахронны, что подкрепляется хозяйственными различиями. Первоначально длинные и круглые курганы с сожжениями начало возводить население, незнакомое с подсечным земледелием; в той же или близкой

среде зародился обычай «сопкообразных» насыпей. Распространение сопкок может быть связано с переходом к подсечному земледелию; отсюда — смена ландшафтов, а затем, возможно, контакты с земледельческим славянским населением, участие в его экономической жизни, социальных процессах, связь с древнерусской культурой.

Необходима дифференциация поселений второй половины I тыс., выделение среди них связанных с длинными курганами, сопками, возможно, выявится и третий пласт, так как ни сопки, ни длинные курганы не дают прямого перехода в древнерусскую культуру. В «раннеславянских» памятниках окрестностей Новгорода есть определенное своеобразие, которое объясняется, возможно, не только хронологически; их керамика близка «пражскому типу» и отлична от посуды сопкок и длинных курганов. Возможно, первые славянские поселения и не связаны ни с длинными курганами, ни с сопками. По наблюдениям А. М. Микляева и Р. А. Агеевой, не позже VIII в. на Северо-Западе распространяются славянские топонимы с западнославянской основой и элементом «-гост», «-гощ»; их известно более 80, для 74 установлено ландшафтное положение. Эти названия не связаны ни с длинными курганами, ни с сопками, но при этом четко увязываются с плодородными, аккумулярованными в древности легкими почвами, ныне скрытыми под торфяниками. Их заболачивание началось в конце I тыс. и достигло максимума в XIV—XV вв. Возможно, полагает А. М. Микляев, именно эти места, не занятые создателями сопкок и длинных курганов, первоначально освоили славяне, а затем, по ухудшении климатических условий, были вынуждены оставить.¹²³ Такая гипотеза объясняет сравнительно позднее время образования древнерусской курганной культуры и те сложные связи, которые существуют между нею, сопками и длинными курганами.

Заполнение лакун, выявление новых пластов памятников (грунтовых могильников и селищ древнерусского времени, поселений эпохи курганов с сожжениями, древностей первой половины I тыс.) — первоочередная и неотложная задача. Следующий этап — изучение археологических микрорайонов, комплексов памятников, состоящих из взаимосвязанных поселений и могильников. После этого станут возможными выделение и систематическое описание археологических культур, их точная и дробная датировка, изучение пространственных соотношений (возможна

¹¹⁹ Крайнов Д. А. Фатьяновская культура... с. 38—39.

¹²⁰ Третяков П. Н. Бологовское городище... с. 41.

¹²¹ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси... с. 96—100.

¹²² Лебедев Г. С. О времени появления славян на Северо-Западе. — В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.

¹²³ Агеева А. А., Микляев А. М. Топонимы с -ли, -ль на Северо-Западе СССР и проблема восточнославянского расселения. — В кн.: Проблемы восточнославянской топонимии. М., 1979, с. 30—54; Микляев А. М. 1) О топо- и гидронимах с элементом -гост, -гощ на Северо-Западе СССР. — Докл. на заседании Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, протокол № 7 от 23 мая 1980 г.; 2) Археологическая география — задача, метод и первые результаты. — В кн.: Контакты и взаимодействие древних культур. Л., 1981, с. 49—51.

чересполосица в расселении), демографии, хозяйственного уклада, культурно-генетических связей. И лишь по разрешении всех этих проблем археологи смогут предоставить в распоряжение историков качественно новый источник, опираясь на который, с привлечением данных других наук (лингвистики, антропологии, этнографии, истории), можно будет дать научную реконструкцию процесса расселения славян, формирования древнерусской народности и культуры, образования Древнерусского государства в Новгородской земле.